

документ, но и любой случайный рассказ писатель склонен был трактовать как «предание» при «возможности его исторического приурочивания». ³⁶ Да и сам писатель сетовал на отсутствие системы в его разрозненном собрании фактов и свидетельств. Вместе с другими своими современниками, страстными любителями и собирателями древностей, он опережал время, действуя интуитивно, без соответствующих навыков научной обработки собранных материалов. Историческая методология в России первой половины XIX века находилась в стадии становления. Оставаясь верным романтической трактовке истории, Макаров интерпретировал «предание» исходя из собственных представлений и размышлений о современной ему российской действительности.

Подводя итог, заметим, что своими «книжками для народа» 1840-х годов Макаров внес значительный вклад в развитие русского литературного этнографизма. Сочинениям писателя была свойственна стилистика, соответствующая простонародной фольклорно-сказовой традиции, а нравоучительный пафос рассказа «из первых уст» типологически близок евангельской притче. Макаров адаптировал к восприятию малограмотного читателя отвлеченные понятия, согласовывая их с обыденными для крестьян предметами и образами. В целом он следовал в развитии печати для народа направлению, определенному Ф. Н. Глинкой и поддержанному старшими славянофилами, видевшими ее назначение в том, чтобы «утешить трудолюбивых питателей наших, возбудить в них благоговение к Вере отцов, надежду на Провидение, любовь к родным и родине, приверженность к Государю, уважение к порядку и властям; укрепить узы согласия супружеского и связи семейные и, наконец, помирить, сдружить поселянина с состоянием, в котором он рожден...». ³⁷ Ориентируя свои издания на практическую пользу, Макаров служил распространению в России религиозно-воспитательной и образовательно-просветительской книги для народного чтения.

³⁶ Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. С. 470.

³⁷ Глинка Ф. И. Письма к другу / Сост., вступ. статья и комм. В. П. Зверева. М., 1990. С. 384.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-113-121

© А. А. Петров

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Генезис антинигилистического романа — одна из центральных проблем, которая встает перед исследователями этого явления литературы XIX века. Традиционно первым антинигилистическим произведением русской литературы было принято считать роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованный в 1862 году. Этой точки зрения придерживались некоторые современники (например, М. А. Антонович),¹ а вслед за ними — крупнейшие раннесоветские исследователи антинигилистической прозы, например А. Г. Цейтлин.² В дальнейшем эта концепция начала пересматриваться, очевидно, в том числе и для того, чтобы «очистить» репутацию закрывшегося в советском каноне классика от связи с «реакционно-охранительной беллетристикой».³ На современном

¹ Антонович М. А. «Новь», роман г. Тургенева // Тифлисский вестник. 1877. № 93.

² Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 33–47.

³ Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97–120; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. Расцвет реализма. С. 279–314.

этапе единой позиции по этому вопросу не выработано: например, А. С. Ефимов возвращается к концепции Цейтлина, говорившего о Тургеневе как о родоначальнике антинигилистического романа,⁴ Г. А. Склеинис утверждает, что роман Тургенева только «способствовал популяризации» темы нигилизма,⁵ а К. Ю. Зубков относит появление такого типа романа к еще более позднему периоду.⁶ Исследователи, полагавшие, что антинигилистическая литература зародилась еще до выхода в свет романа Тургенева, указывали на фарс Д. В. Григоровича «Школа гостеприимства» (1855), в котором в образе Чернушкина был сатирически изображен Н. Г. Чернышевский,⁷ также предтечей антинигилистической прозы называли роман В. И. Асоченского «Асмодей нашего времени» (1858).⁸ Склеинис пришла к выводу, что истоки темы нигилизма в русской литературе относятся к XVIII веку, но обращала внимание именно на его связь с русским Просвещением, а не на противостоящее «протонигилизму» направление.⁹

Представляется, что для решения вопроса о генезисе этого явления необходимо в первую очередь определить с его природой. Говорить об антинигилистическом романе как об отдельном жанре, как это делает, например, Склеинис в упомянутых работах, — значит искусственно ограничивать предмет изучения (чего, впрочем, сама исследовательница, несмотря на заявленный подход, избегает). Мнение о недостаточности понятия «антинигилистический роман» находим в диссертации Ефимова, предпочитающего употреблять термин «антинигилистическая проза», потому что «между антинигилистическим романом и повестью нет принципиальных различий ни с точки зрения идеологии, ни на уровнях характерологии, мотивов и сюжетики».¹⁰ Однако и такие границы кажутся нам недостаточно широкими, поскольку они оставляют за рамками рассмотрения драматические произведения, содержащие тот же комплекс мотивов и сюжетов, а также «антинигилистические» басни, стихотворения и проч. Более уместно было бы говорить об антинигилистическом *дискурсе* как «совокупности высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций»,¹¹ т. е. системном множестве текстов, объединенных общей идеей («отрицание отрицания») и средствами ее прежде всего художественного воплощения (единство сюжетов, образов, мотивов). Дискурс может включать в себя множество подтипов — жанров,¹² при этом такое понимание жанра сочетается с традиционным определением этого термина как «исторически складывающегося типа литературного произведения»,¹³ т. е. мы можем говорить об «антинигилистических» романах, повестях, комедиях, трагедиях и т. д., встраивающихся в систему соответствующего дискурса и являющихся ее частными случаями. Таким образом, под антинигилистической литературой в работе будет пониматься совокупность произведений, направленных против нигилизма как «умонастроения, связанного с установкой на отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры».¹⁴

⁴ Ефимов А. С. Краткая история русской антинигилистической прозы // Ефимов А. С. Нигилизм и готика. М., 2022. С. 308.

⁵ Склеинис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа // Вестник Вятского гос. университета. 2008. № 4. С. 145.

⁶ Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4. С. 137.

⁷ Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов. С. 288–289.

⁸ Безносов Э. Л. Асоченский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 118.

⁹ Склеинис Г. А. Русский антинигилистический роман: генезис и жанровая специфика. Дис. ... доктора филол. наук. Магадан, 2009. С. 34–42.

¹⁰ Ефимов А. С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и готическая проза второй половины XVIII — первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 4.

¹¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 108.

¹² Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. 2010. № 6. С. 78–83.

¹³ Кожин В. В. Жанр // КЛЭ. 1964. Т. 2. Стб. 914–917.

¹⁴ Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 86–86.

В настоящем исследовании антинигилистический дискурс будет рассмотрен только в рамках художественной литературы, поскольку в первую очередь нас интересуют именно приемы изображения героя-нигилиста и соотносимый с ним комплекс сюжетов и мотивов.

Истоки антинигилистического дискурса: русский XVIII век

Русский нигилизм, как полагают историки идей, является порождением немецкой материалистической философии XIX века (Л. А. фон Фейербах, К. Фохт и др.), идей французских утопистов и анархистов (Ш. Фурье, П.-Ж. Прудон), а также, как особо подчеркивает Ефимов, революционеров-якобинцев конца XVIII века, которые, в свою очередь, во многом переняли идеологию у французских просветителей (например, барон Анахарсис Клоотс, который называл зародившуюся республику «нигилистической» и занимался «дехристианизацией» Парижа¹⁵). В совокупности своих философских и социально-политических («приход» разночинцев, александровские реформы, сменившие «мрачное семилетие» правления Николая I) предпосылок русский нигилизм в узком понимании этого термина, безусловно, ограничен второй половиной XIX века, хоть и связан генетически с эпохой Просвещения. Антинигилистический дискурс, ставший в некотором роде ответом на дискурс нигилистический, нельзя, однако, трактовать только как его прямое следствие и отражение, что обычно делают исследователи (показательный пример такой трактовки — объявление фарса Григоровича родоначальником антинигилистического романа только по той причине, что там дан сатирический портрет Чернышевского, несмотря на то что в фарсе высмеиваются не столько его идеология, сколько личные качества). Русская литература реагирует на относительно новое общественное явление, используя уже известные ей художественные приемы, опираясь на давно высказанные идеи (которые при этом совершенно не претендуют на новаторство: в отличие от нигилизма, антинигилизм показательно традиционен). В этом смысле легитимным представляется поиск истоков антинигилистического дискурса в литературе предшествующих эпох.

Если взять в качестве объекта рассмотрения именно антинигилистический дискурс, то вопрос о его генезисе в русской литературе должен решаться иначе, чем при использовании (в качестве родового) понятия «антинигилистический роман». Склеинис справедливо связывала зарождение нигилистической темы в русской литературе именно с XVIII веком — однако важно, что в этот период не только появляются первые русские предшественники нигилистов, но и формируется «протоантинигилистическая» линия отечественной литературы (аналогичные иноязычные произведения мы здесь рассматривать не будем, хотя их влияние на формирование русского антинигилистического дискурса также может быть изучено).

Как указывает исследовательница, своего рода «импульсом к рецепции идей нигилизма на отечественной почве стали реформы Петра I»,¹⁶ способствовавшие секуляризации русского общества. Подлинную популярность «вольнодумство» (включающее наиболее радикальную свою форму — атеизм) набирает уже в середине и второй половине столетия в связи с распространением идей французских просветителей, прежде всего Вольтера (а также Ж.-Ж. Руссо, существенные отличия философии которого часто нивелировались в сознании читателей). История восприятия взглядов Вольтера в России неоднократно привлекала внимание исследователей.¹⁷ Обобщая их суждения, можно сказать, что, несмотря на попытки серьезного и глубокого постижения концепций философа (рецепция работ Вольтера, в том числе и их критика, в «Философических предложениях» Я. П. Козельского (1768), «Рассуждении о злоупотреблении

¹⁵ Косыхин В. Г. Нигилизм и диалектика. Саратов, 2009. С. 23.

¹⁶ Склеинис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа. С. 143.

¹⁷ См., например: Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 13–56; Златопольская А. А. Идеиное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI век) // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013. С. 7–28, и мн. др.

разума...» И. В. Лопухина (1780), «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме г. Волтера на разрушение Лиссабона» В. А. Левшина (1781) и др.), массовую популярность в обществе середины XVIII века приобрела упрощенная трактовка идей Просвещения как тотального отрицания, подразумевающего «насмешки над церковью и религией, над русской „старинной“, общий скептический настрой, при этом без особого углубления в философские материи».¹⁸ Такое «вольнодумство» (согласно «Словарю русского языка XVIII века», «скептическое отношение к религиозным взглядам и политическим установлениям»,¹⁹ т. е., по сути, синоним вольтерьянства как «прежде всего атеизма со всеми его неизбежными „спутниками“ — душевной холодностью, цинизмом, корыстолюбием, безграничным эгоизмом и множеством иных пороков»²⁰), конечно, не является прямым предшественником нигилизма XIX века, однако на внешнем уровне их объединяет совокупность общих черт, критика которых исходит из схожих предположений и реализуется в художественных произведениях похожим образом.

Мода на такое «нигилистическое» вольтерьянство (под этим термином в работе понимается не столько «серьезная» рецепция работ Вольтера, сколько вульгарное повторение его искаженно воспринятого «отрицательного» пафоса) вызвала закономерное противодействие у более консервативно мыслящей части общества (с особой силой эта тенденция проявилась после начала французской революции 1789 года, когда резко меняется отношение к Вольтеру со стороны властей). В последние десятилетия XVIII века начинают активно публиковаться антивольтеровские сочинения (по преимуществу — переводные): «Вольтер обнаженный» (1787), «Вольтер изобличенный» (1792), «Предохранение от безверия и нечестия» (1794) и др.; подобные произведения будут печататься и в следующем столетии. Еще задолго до «официального» попадания французских просветителей в немилость вульгарное вольтерьянство многократно высмеивалось и изобличалось в литературе и публицистике — в стихотворениях В. Д. Санковского, П. А. Озерова, повестях М. Д. Чулкова, А. Е. Измайлова, воспоминаниях Д. И. Фонвизина, романе П. Ю. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» и др. Например, герой последнего Плуталов называет церковную службу «зablуждением и пустосвятством»,²¹ а также отрицает святость брачных уз — эти черты, как будет показано в дальнейшем, в той же степени определяют и нигилистов XIX века.

Особое место в развитии «протоантинигилистического» дискурса XVIII века принадлежит жанру комедии. Тип героя-вольтерьянца справедливо выделил еще в 1917 году В. В. Сиповский, усмотрев его черты в комическом щеголе.²² Хотя данная концепция не была принята в советской науке и не получила развития,²³ на современном этапе эта линия изучения была продолжена К. С. Мирутенко, которая, помимо рассмотренных Сиповским драматургов «первого ряда» (М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, В. И. Лукин и др.), анализирует в этом ключе пьесы других авторов, а также анонимные сочинения.²⁴ Герои драматических произведений этих писателей в совокупности воплощают многие черты, присущие образам нигилистов: они отрицают Бога, религию и вечную жизнь (Злорадов в «Моте, любовью исправленном» Лукина, Руфин в «Безбожнике» Хераскова, Молокососов и Непустов в комедии «О время!» Екатерины II, Иванушка в «Бригадире» Фонвизина и др.), святость брачных и вообще родст-

¹⁸ Майданская И. А., Майданский М. А. Вольтер, Руссо и русские вольнодумцы // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 195.

¹⁹ Вольнодумство // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4. С. 51.

²⁰ Заборов П. Р. Вольтерьянство: К истории слова и явления // Вольтер: Pro et contra. С. 624–646.

²¹ Львов П. Ю. Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки: В 2 ч. М., 1794. С. 32.

²² Сиповский В. В. Из истории русской комедии XVIII века: К литературной истории «тем» и «типов». СПб., 1917. С. 3–70.

²³ Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977. С. 56.

²⁴ Мирутенко К. С. Вольтерьянство в русской комедии XVIII — начала XIX века: к вопросу о типовых приметах образа пегиметра в русской сатирической драматургии // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 142–160.

венных уз (Ядон в анонимной комедии «Злоумный», Руфин в «Безбожнике» и Змеяд в «Ненавистнике» Хераскова, Иванушка в «Бригадире», Беглоумов в анонимной комедии «Перемена в нравах» и др.), понятие законов и чести (Злорадов в «Моте» Лукина, Герострат в «Ядовитом» Сумарокова и др.), всё русское (Иванушка в «Бригадире», герои «Неудачного сговора» А. А. Майкова и др.). Часто вольтерьянцам в комедиях противостоят герои-резонеры — слуги (например, в «Моте, любовь исправленным», в анонимной комедии «Обман на обман, или Неудачный развод»), представители старшего поколения (как в комедии «Так и должно»).²⁵ Подобный идеологический конфликт и составит основу будущего антинигилистического романа.

Несмотря на общую закономерность, выявленную Сиповским и Мирутенко, черты героев-вольнодумцев не всегда совпадают с амплуа петиметра. Так, в комедии Лукина «Мот, любовь исправленный» (1765) кокеткой автор прямо называет Княгиню, обманутую Злорадом, как и сам центральный герой Добросердов.²⁶ У Злорада, главного антагониста произведения, черт щеголя не просматривается, зато его образ формируют другие характерные особенности: атеизм — неверие в посмертные муки и выбор в пользу земного, а не вечного наслаждения («...я не из числа тех простаков, которых будущая жизнь и адские муки ужасают. Лишь бы здесь пожить в довольствии; а там что со мною ни случится, о том не пекуся»²⁷), лицемерие и фарисейство (притворная дружеская верность Добросердову в начале произведения и его обличение в развязке), эгоизм («Добро делать, конечно, надлежит, но себе самому, а не людям. Вить мы для себя родимся; и поэтому лишь о себе и стараться нам должно»;²⁸ позднее именно «разумный эгоизм» станет благодаря Чернышевскому одной из основных нигилистических «добродетелей»).

Руфин из героической комедии Хераскова «Безбожник» также не принадлежит к категории петиметров. Уже название комедии определяет главную черту его мировоззрения — безбожие, причем не в виде атеизма (герой верует в Бога и даже просит Его о помощи в своих злодеяниях²⁹), а в виде отрицания божественных заповедей, богоборчества. Отсюда вытекают прочие свойства Руфина: он бесчестен, лицемерен, презирает институт брака (обманывает свою невесту Ксению и домогается жены друга). А. В. Западов справедливо говорит о том, что эти черты были присущи «французским материалистам и их русским последователям».³⁰

Таким образом, можно установить, что в русской литературе XVIII века (в частности, в комедии) присутствует особый тип героев-вольтерьянцев, который сочетается с иными амплуа (например, комического щеголя), но не сводится к ним. Перечисленные тексты, конечно, не исчерпывают весь перечень подобных и аналогичных явлений в литературе этой эпохи. Так, показательны «антимасонские» комедии Екатерины II, герои которых также разрушают семьи — например, в комедии «Обольщенный» (1785) — и, будучи обольстителями, заставляют своих жертв совершать преступления в том числе против религии — так, в комедии «Обманщик» (1785) Калифалкжерстон призывает Самблина отдать ему на переплавку складень — икону. Будучи взятыми по отдельности, черты таких персонажей характерны для многих злодеев мировой литературы (в меньшей степени — русской, к XVIII веку знавшей не так много подобных героев), но в совокупности в текстах полемической направленности они составляют особый тип, который, как можно предположить, впоследствии и сформирует антинигилистический дискурс.

Представляется, что в зарождении антинигилистического дискурса принимал участие и другой важнейший жанр драматургии XVIII века — трагедия. Ефимов

²⁵ Там же. С. 156.

²⁶ Лукин В. И. Мот, любовь исправленный // Российский Феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений. СПб., 1788. Ч. XIX. С. 32.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ Там же. С. 101.

²⁹ Херасков М. М. Безбожник // Российский Феатр, или Полное собрание всех Российских Феатральных сочинений. СПб., 1786. Ч. X. Т. 1. С. 35.

³⁰ Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избр. произведения. Л., 1961. С. 18 (Библиотека поэта. Большая сер.).

в исследовании, посвященном влиянию готической литературы на антинигилистическую прозу, справедливо указывает на то, что в целом ряде героев-нигилистов (Василии Свитке и Ардальоне Полоярове из дилогии В. В. Крестовского «Кровавый пух», Глафире Бодростиной из романа Н. С. Лескова «На ножках»; сюда же можно было бы добавить, например, Бронского из романа В. П. Ключникова «Марево», Белоярцева из романа Лескова «Некуда» и т. д.) угадываются черты «трагического властителя», пользующегося своей неограниченной властью над людьми, фигуры, необходимой «для раскрытия тоталитарной / диктаторской сущности нигилистического мировоззрения».³¹ Исходя из концепции работы, ученый выводит генеалогию такого героя только из готической прозы, однако у этого персонажного типа есть и иной претекст — трагические тираны, в частности герои русской трагедии XVIII века (например, Клавдий в «Гамлете» Сумарокова (1748) и Димитрий Самозванец в его одноименной трагедии (1771), заглавный герой «Подложного Смердия» (1769) А. А. Ржевского, Христиерн в «Росславе» (1784) и Мал и Зловред в «Ольге» (начало 1770-х) Я. Б. Княжнина и др.). Тесно связанные с такими персонажами мотивы безбожия или богоборчества, утверждения права сильного, отрицания ценности семьи, пренебрежения честью и законом также имеют свои аналогии в антинигилистическом дискурсе и позволяют рассматривать жанр трагедии как один из его возможных истоков.

Антинигилистический дискурс в литературе XIX века

Бытование «протоантинигилистического» дискурса в первой половине XIX века не является специальным объектом изучения в настоящей работе, но понятно, что он сохраняется в творчестве консервативно настроенных литераторов и публицистов. Так, с ним связаны и письма «Мелодора к Филалету» и «Филалета к Мелодору» (1793–1794) Н. М. Карамзина, направленные против идей французской революции, и статья Н. И. Надеждина «Сонмище нигилистов» (1829), в которой на русском языке впервые говорят о «мрачной преисподней губительного нигилизма»³² как отрицания культуры и образования.

Роман Асоченского (помимо прочего, знатока и поклонника литературы XVIII века, в частности — трагедий Сумарокова и комедий Фонвизина и Княжнина)³³ «Асмодей нашего времени», названный предтечей антинигилистической прозы, многое черпает именно из литературы XVIII века. Комические герои-вольтерьянцы и трагические безбожники — генезис образа нигилиста Пустовцева, воспитывавшегося на трудах Вольтера и других просветителей прошлого столетия³⁴ (это расхожий источник формирования нигилиста: например, в романе Ключникова «Марево» гимназисту Коле проповедовали идеи Вольтера, Руссо и французских революционеров),³⁵ отрицающего религию и ценность семьи, насмехающегося над обществом и традициями, чуждого законам чести и гибнущего, отвергая божественную благодать и проклиная Его мироздание, как Руфин у Хераскова или Полоний и Димитрий у Сумарокова. Кроме того, роман содержит и другие характерные приметы жанра комедии: говорящие имена (так, фамилия главного протагониста «Софьян» отсылает к имени «Софья» (мудрость), использовавшемуся в таком качестве, например, в «Недоросле»; внутренняя форма фамилии «Пустовцев» связана с пустотой, мертвенной бесплодностью его нигилизма), систему комических амплуа (комический простак, кокетки, резонер и т. д.), отдельные элементы драматической формы («рудименты» драматических монологов и диало-

³¹ Ефимов А. С. Готическое мироощущение русской антинигилистической прозы // Ефимов А. С. Нигилизм и готика. С. 192–193.

³² Надеждин Н. И. Сонмище нигилистов (Сцена из литературного балагана) // Вестник Европы. 1829. № 1, 2.

³³ Асоченский В. И. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846. С. 70–82.

³⁴ Асоченский В. И. Асмодей нашего времени // Асоченский В. И. За Русь святыю! М., 2014. С. 248.

³⁵ Ключников В. П. Марево. М., 2012. С. 233.

гов).³⁶ Как и в статье Надеждина, антинигилистический пафос Асоченского сопряжен с антибайроническим: роман в какой-то мере является ответом на «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, критике подвергается романтизация демонического, свойственная этому писателю.³⁷ На литературу романтизма Асоченский смотрит скорее не с позиции более «прогрессивного» реализма, а напротив, из предшествующей эпохи, отчасти солидаризируясь в этом со своим героем Онисимом Небедой, консервативно настроенным старым чиновником, полагавшим, что «изысканная словесность <...> ни на волос не подвинулась вперед со времени Державина и Карамзина».³⁸

Начиная с романа «Отцы и дети» в литературу вошла целая галерея героев-нигилистов. Центральную позицию в антинигилистическом дискурсе занимают романы и повести, однако участвуют в нем и комедии («Зараженное семейство» (1864) и «Нигилист» (1866) Л. Н. Толстого), и басни (например, многочисленные басни того же Асоченского), и стихи (как то «Пантелей-целитель» (1866), «Порой веселой мая» (1871), «Поток-богатырь» (1871) А. К. Толстого). Комплекс основных мотивов, содержащийся в этих текстах, роднит их с литературой XVIII века. Наиболее показательны здесь произведения, в которых неприятие нигилизма выражено предельно открыто и резко и которые содержат сатиру на это явление (если понимать под ней вслед за М. М. Бахтиным просто отрицательное «отношение творческого к предмету своего изображения»³⁹).

Обратимся к основным мотивам, характеризующим антинигилистический дискурс XVIII и XIX столетий.

а) Мотив атеизма/богоборчества

Этот мотив является, пожалуй, определяющим, поскольку в христианской картине мира именно Бог и отношение к Нему выступают главным критерием всей человеческой деятельности. По мысли Н. Н. Старыгиной, антинигилистический роман на всех уровнях утверждает христианские духовные ценности.⁴⁰ Нигилизм как всеобщее отрицание начинается с отрицания Бога. Фраза «Если Бога нет, то все позволено», приписываемая Достоевскому, довольно точно резюмирует взгляды писателя и его отношение к атеизму как источнику всякого зла. Этот принцип реализуется и в его антинигилистическом романе «Бесы» (в образах Петра Верховенского, Николая Ставрогина, участников кружка и др.), и в иных произведениях, обычно не причисляемых к антинигилистическим, но близких к этому дискурсу — романах «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Примечательно, что именно за безбожие Достоевский критиковал французского просветителя Руссо, называя его гуманизм «добродетелью без Христа».⁴¹ Атеистами-материалистами были тургеневский Базаров, нигилисты из романов «Некуда» и «На ножах» Лескова, диалоги «Кровавый пух» Крестовского и др. Зачастую им противостоят протагонисты — православные христиане-праведники, иногда даже священнослужители, что заостряет религиозную сторону конфликта. Старыгина обнаруживает черты праведника в отце Евангеле («На ножах»), владыке Иосафе и попе Сильвестре («Кровавый пух»);⁴² этот ряд можно дополнить и другими героями Крестовского и Лескова.

б) Мотив отрицания православия и всего русского

Мотив, характерный для комических петиметров-галломанов или, например, для Дмитрия из трагедии Сумарокова, ненавидевшего русских и мечтавшего обратиться

³⁶ Статья с подробным анализом этого романа в настоящий момент готовится к печати.

³⁷ Сартаков Е. В. Литература как публицистика: «антипечоринский» текст С. А. Бурачка и В. И. Асоченского // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II Междунар. науч. конф. Псков, 2018. Т. 1. С. 68–75.

³⁸ Асоченский В. И. Асмодей нашего времени. С. 194.

³⁹ Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х. С. 8.

⁴⁰ Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

⁴¹ Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8. С. 345.

⁴² Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики... С. 180–199.

Россию в католичество (пьеса была написана после польских волнений 1768–1772 годов), особенно часто связывается в романах XIX века с польской темой. Восстание 1863–1864 годов занимает существенное место в дилогии Крестовского «Кровавый пух» (в которой именно поляки объявляются источником революционных настроений в России и подробно описывается польская русофобия и ненависть католиков к православной церкви), романе Лескова «Некуда», романе Ключникова «Марево» и др. Одно из основных отличий нигилиста XIX века состоит в том, что он политически активен, стремится преобразовать общество и государство, однако эта деятельность, с точки зрения авторов антинигилистической литературы прежде всего — разрушительная и руководимая врагами России, в целом сводится к обозначенному мотиву.

в) Мотив разрушения семьи

Этот мотив может быть разложен на множество более конкретных — неприятие брака, конфликт «отцов и детей», отказ от ребенка или его гибель и т. д. С точки зрения И. П. Смирнова, именно «продолжаемость родовой жизни» является главной ценностью антинигилистической литературы, и важнейшая черта героя-нигилиста в ней — выпадение из рода, отрицание ценности «родовой непрерывности».⁴³ Действительно, этот мотив неизменно формирует антинигилистический дискурс, начиная от драматических произведений Хераскова и Сумарокова и продолжая многочисленными героями, не признающими ценность семьи вообще (как Базаров, Марк Волохов и т. д.) или подменяющими ее коммуной (Белоярцев в «Некуда» и Горданов в «На ножжах» Лескова, Поляров в «Кровавом пухе» Крестовского), что всегда оканчивается трагически. Отождествленность от ценностей отцов — заглавная тема произведения Тургенева — находит свое предельное воплощение в романе В. П. Мецкерского «Тайны современного Петербурга», в котором «зараженные» нигилизмом дети способствуют смерти матери (Ефимов трактует это как убийство России⁴⁴). Не менее важна и тема детей. Так, в романе «Панургово стадо» после похорон Нюты Лубянской, соблазненной нигилистом Поляровым, попавшей в коммуну и насильно лишенной ребенка, Устинов, один из главных протагонистов, рассуждает о том, что нигилисты, любящие говорить о свободном браке и женской эмансипации, в своих произведениях «тщательно избегают детей».⁴⁵ Бесплодность нигилизма, отсутствие в нем созидательного начала не раз подчеркивается в антинигилистической прозе именно через мотив гибели ребенка («Асмодей нашего времени» Аскаченского, «Марево» Ключникова, «Кровавый пух» Крестовского и др.).

г) Мотив преступления

Герои-нигилисты, будучи имморалистами, зачастую творят зло (от поступков злонравных героев драматургии XVIII века до «уголовщины» в «Бесах» Достоевского, «На ножжах» Лескова и др.). Отрицание моральных норм неизбежно приводит к их нарушению, отказ от Бога и категории греха — к грехопадению. Демонстрация преступлений, совершаемых такими персонажами, имеет основной целью преподнести нигилизм как общественную опасность, предупредить о катастрофических последствиях идеологии. Отдельный подвид таких «преступлений» — нравственные, не против закона, а против морали, например фарисейство, роднящее, скажем, Злорада у Лукина и Полярова у Крестовского (герой-нигилист при необходимости сам готов активно бороться с нигилистами, наказывать и обличать их).

д) Мотив власти и права сильного

Несмотря на постулируемый отказ от авторитетов, нигилисты объединяются в сообщества с жесткой иерархией и практически неограниченной властью лидера (мотив «Бесов», «Кровавого пуха» и др.). Герой-нигилист часто стремится к власти, дающей ему силу и положение «вершителя судеб», которым он пользуется, подменяя собой отрицаемого им Бога. Таковы и тираны из трагедий XVIII века (чаще всего — узурпаторы, как в случае с сумароковскими Клавдием и Димитрием, т. е. люди, получившие власть не от Бога, а собственным произволением), и герои произведений следующего

⁴³ Смирнов И. П. Психодиахронология. М., 1994. С. 115–119.

⁴⁴ Ефимов А. С. Готическое мироощущение русской антинигилистической прозы. С. 267–272.

⁴⁵ Крестовский В. В. Кровавый пух: В 2 кн. М., 2021. Кн. 1. Панургово стадо. С. 331.

столетия. Нередко демонстрируется, как такие персонажи тлетворно влияют на окружающих, сбивая их с истинного пути: их жертвами оказываются и Добросердов в «Моте, любовь исправленном» Лукина, и Бакланов во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского, и Лиза в «Некуда» Лескова. Зачастую нигилисты получают реальную власть, становясь чиновниками и расшатывая государственность изнутри (например, Термосесов в «Соборянах» или инспектор народных училищ Охрименко в «Торжестве Ваала», прямо постулирующий этот тезис).

Приведенный список мотивов, общих для антинигилистического дискурса, безусловно, является открытым. При этом понятно, что в конкретных произведениях упомянутые мотивы могут быть реализованы в разной степени или не реализованы вовсе. Невозможно провести четкую границу между текстами, входящими в число антинигилистических, и теми, которые к ним не относятся: дискурс устроен по полювому принципу,⁴⁶ причем в его центре находятся те тексты, в которых основная группа мотивов выражена наиболее полно (например, роман Лескова «На ножах»), а на периферии — те, где они представлены слабо (к примеру, фарс Григоровича «Школа гостеприимства»).

Истоки антинигилистического дискурса в пределах русской литературы, таким образом, обнаруживаются уже во второй половине XVIII века. Эта линия вновь актуализовалась уже спустя столетие в виде антинигилистической литературы (что подтверждает тыняновскую концепцию литературной эволюции).⁴⁷ Описанный здесь в своем единстве, безусловно, этот дискурс внутренне эволюционировал, не был однородным и неизменным — однако анализ этой эволюции уже выходит за рамки настоящей статьи. Другой важный вопрос, который еще предстоит разрешить, — какова дальнейшая судьба антинигилистического дискурса после рубежа 1870–1880-х годов — времени, когда, по мнению исследователей, уходит в прошлое антинигилистическая проза.

⁴⁶ Барбун В. В. Дискурс как поле и принципы его построения // IN SITU. 2022. № 7. С. 20–23.

⁴⁷ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-121-130

© Е. Н. Пенская

КОМЕДИЯ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «СВАДЬБА КРЕЧИНСКОГО» И ТРАДИЦИИ УСАДЕБНОГО ТЕАТРА*

Первая пьеса трилогии «Картины прошедшего», как и весь драматический цикл, прочно вписаны в исследовательскую практику изучения литературы и театра конца XIX — XXI века.¹ Об этом свидетельствуют последние научные издания, в которых представлена полная библиография, посвященная драматургу.² «Свадьба Кречинского», одна из самых известных пьес, наиболее часто обсуждалась в критике и академических трудах, благодаря чему сложилось несколько устоявшихся интерпретаций литературно-театрального дебюта автора, отсылающих, с одной стороны, к разнообразной французской комедийной традиции XVII–XVIII веков, к зрелищной природе бульварных

* Работа выполнена при поддержке РНФ. Проект № 22-68-00066, НИУ ВШЭ.

¹ Соколова Т. В. Фонд А. В. Сухова-Кобылина в ГЛМ: опыт архивной реконструкции // Альбом-каталог «Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея». М., 2021. С. 69–107.

² Соколинский Е. К. А. В. Сухово-Кобылин: расширенная библиография 2012–2018 // «Невидимая величина». А. В. Сухово-Кобылин: Театр. Литература. Жизнь. М., 2024. С. 410–433.

3. Fedoseeva T. V. «Russkoe natsional'noe pesnopenie» (1809) M. N. Makarova v kontekste zarozhdeniia russkoi fol'kloristiki // Riazanskii kraj v kontekste russkoi literatury: Ocherki regional'nogo literaturovedeniia. Riazan', 2017.

4. Glinka F. I. Pis'ma k drugu / Sost., vstup. stat'ia i komm. V. P. Zvereva. M., 1990.

5. Gusev N. V. Odоеvskii i al'manashnyi tip izdaniia v Rossii 1820–1840-kh godov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2012. № 2.

6. Iugan N. L. Sborniki «Soldatskie dosugi» i «Matrosskie dosugi» V. I. Dalia kak knigi dlia narodnogo chteniia // Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki. 2009. T. 2. № 2.

7. Ivanova T. G. Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. SPb., 2018. T. 3.

8. Kireevskii I. V. Kritika i estetika / Sost., vstup. stat'ia i prim. Iu. V. Manna. M., 1979.

9. Lotman Iu. M. Poezii 1790–1810-kh godov // Poety 1790–1810-kh godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana; podg. teksta M. G. Al'tshullera; vstup. zametki, biogr. spravki i prim. M. G. Al'tshullera i Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

10. Nikodimova A. A. «Sel'skoe chtenie» Vladimira Odоеvskogo: Monografiia. Tver', 2018.

11. Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina E. N. Pseudonimy riazanskikh pisatelei // Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2017. № 3 (56).

12. Shapovalova G. G. Opyt sozdaniia pervykh knig dlia naroda («Matrosskie dosugi» V. I. Dalia) // Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. M., 1963. Vyp. II / Otv. red. R. S. Lipets, V. K. Sokolova.

13. Stepanov V. P. Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar': V 5 t. M., 1994. T. 3.

14. Tangaeva N. I. M. N. Makarov ob istorii russkoi narodnoi skazki (po zhurnal'nym publikatsiiam 1830–1833 godov) // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3/56.

15. Tangaeva N. I. Pritchevyi kharakter «Moskovskikh rasskazov o bednykh» M. N. Makarova // Problemy istoricheskoi poetiki. 2018. T. 16. № 1.

16. Timanova A. R., Timanova O. I. Sviazannost' rossiiskoi «knigi dlia narodnogo chteniia» s popechitel'stvom o narode kak sotsiokul'turnaia traditsiia XIX stoletii // Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2013. № 2 (34).

Андрей Алексеевич Петров

аспирант филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Andrey Alekseevich Petrov

PhD Student, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

ORCID: 0009-0004-2172-0768

sinavitrivor@mail.ru

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

THE POSSIBLE ORIGINS OF THE ANTI-NIHILISTIC DISCOURSE IN RUSSIAN LITERATURE

Статья посвящена проблеме генезиса антинигилистического дискурса русской литературы XIX века. При выборе в качестве объекта исследования именно дискурса вопрос о генезисе антинигилистической линии в русской литературе решается по-новому: предпосылки ее зарождения связываются с традицией изображения героев-вольтерьянцев, в первую очередь в драматургии XVIII века.

Ключевые слова: нигилизм, антинигилистический роман, комедия, Вольтер, В. И. Аско-ченский.

The article deals with the issue of the genesis of the anti-nihilistic discourse in the Russian literature of the 19th century. With the discourse chosen as the subject matter of the research, the question of the genesis of the anti-nihilistic line in the Russian literature is approached innovatively: its origins are associated with the tradition of depicting the Voltairian characters, primarily in the 18th century drama.

Key words: nihilism, anti-nihilistic novel, comedy, Voltaire, V. I. Askochensky.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947.
2. Аскоченский В. И. Асмодей нашего времени // Аскоченский В. И. За Русь святую! М., 2014.
3. Барбун В. В. Дискурс как поле и принципы его построения // IN SITU. 2022. № 7.
4. Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. Расцвет реализма.
5. Бахтин М. М. Сатира // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х.
6. Безносов Э. Л. Аскоченский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь: В 5 т. М., 1989. Т. 1.
7. Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
8. Визгин В. П., Пустарнаков В. Ф., Соловьев Э. Ю. Нигилизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 3.
9. Вольнодумство // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1988. Вып. 4.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8.
11. Ефимов А. С. Нигилизм и готика. М., 2022.
12. Ефимов А. С. Русский антинигилистический роман 1860–1870 гг. и готическая проза второй половины XVIII — первой половины XIX в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
13. Заборов П. Р. Вольтерьянство: К истории слова и явления // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013.
14. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избр. произведения. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая сер.).
15. Златопольская А. А. Идейное наследие Вольтера в России (XVIII–XXI век) // Вольтер: Pro et contra. СПб., 2013.
16. Зубков К. Ю. «Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 4.
17. Ключников В. П. Мареево. М., 2012.
18. Кожин В. В. Жанр // КЛЭ. 1964. Т. 2.
19. Косыхин В. Г. Нигилизм и диалектика. Саратов, 2009.
20. Крестовский В. В. Кровавый пух: В 2 кн. М., 2021. Кн. 1. Панургово стадо.
21. Майданская И. А., Майданский М. А. Вольтер, Руссо и русские вольнодумцы // Свободная мысль. 2020. № 4.
22. Мирутенко К. С. Вольтерьянство в русской комедии XVIII — начала XIX века: к вопросу о типовых приметах образа пегиметра в русской сатирической драматургии // Искусствознание. 2007. № 3–4.
23. Сартаков Е. В. Литература как публицистика: «антипечоринский» текст С. А. Бурачка и В. И. Аскоченского // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее: Материалы II Междунар. науч. конф. Псков, 2018. Т. 1.
24. Силантьев И. В. Дискурс и жанр // Вестник Новосибирского гос. университета. Сер. История, филология. 2010. № 6.
25. Скле́йнис Г. А. Генезис и жанровая специфика антинигилистического романа // Вестник Вятского гос. университета. 2008. № 4.
26. Скле́йнис Г. А. Русский антинигилистический роман: генезис и жанровая специфика. Дис. ... доктора филол. наук. Магадан, 2009.
27. Смирнов И. П. Психодиахронология. М., 1994.
28. Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2.
29. Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации религиозно-философской полемики 1860–1870-х годов. М., 2003.

30. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
31. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

References

1. Alekseev M. P. Vol'ter i russkaia kul'tura XVIII veka // Vol'ter: Stat'i i materialy. L., 1947.
2. Askochenskii V. I. Asmodei nashego vremeni // Askochenskii V. I. Za Rus' sviatuiu! M., 2014.
3. Bakhtin M. M. Satira // Bakhtin M. M. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1997. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh.
4. Barbun V. V. Diskurs kak pole i printsipy ego postroeniia // IN SITU. 2022. № 7.
5. Batiuto A. I. Antinigilisticheskii roman 60–70-kh godov // Istoriia russkoi literatury: V 4 t. L., 1982. T. 3. Rastsvet realizma.
6. Berkov P. N. Istoriia russkoi komedii XVIII veka. L., 1977.
7. Beznosov E. L. Askochenskii // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar': V 5 t. M., 1989. T. 1.
8. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 15 t. L., 1990. T. 8.
9. Efimov A. S. Nigilizm i gotika. M., 2022.
10. Efimov A. S. Russkii antinigilisticheskii roman 1860–1870 gg. i goticheskaia proza vtoroi poloviny XVIII — pervoi poloviny XIX v. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2021.
11. Fuco M. Arkheologiya znaniia. Kiev, 1996.
12. Kliushnikov V. P. Marevo. M., 2012.
13. Kosykhin V. G. Nigilizm i dialektika. Saratov, 2009.
14. Kozhinov V. V. Zhanr // KLE. 1964. T. 2.
15. Krestovskii V. V. Krovavyi puf: V 2 kn. M., 2021. Kn. 1. Panurgovo stado.
16. Maidanskaia I. A., Maidanskii M. A. Vol'ter, Russo i russkie vol'nodumtsy // Svobodnaia mysl'. 2020. № 4.
17. Mirutenko K. S. Vol'ter'ianstvo v russkoi komedii XVIII — nachala XIX veka: k voprosu o tipovykh primetakh obraza petimetra v russkoi satiricheskoi dramaturgii // Iskusstvoznanie. 2007. № 3–4.
18. Sartakov E. V. Literatura kak publitsistika: «antipechorinskii» tekst S. A. Burachka i V. I. Askochenskogo // Kul'turnyi landshaft pogranich'ia: proshloe, nastoiashchee, budushchee: Materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Pskov, 2018. T. 1.
19. Silant'ev I. V. Diskurs i zhanr // Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Ser. Istoriia, filologiya. 2010. № 6.
20. Skleinis G. A. Genezis i zhanrovaia spetsifika antinigilisticheskogo romana // Vestnik Viat'skogo gos. universiteta. 2008. № 4.
21. Skleinis G. A. Russkii antinigilisticheskii roman: genezis i zhanrovaia spetsifika. Dis. ... doktora filol. nauk. Magadan, 2009.
22. Smirnov I. P. Psikhodiakhronologika. M., 1994.
23. Sorokin Iu. S. Antinigilisticheskii roman // Istoriia russkogo romana: V 2 t. M.; L., 1964. T. 2.
24. Starygina N. N. Russkii roman v situatsii religiozno-filosofskoi polemiki 1860–1870-kh godov. M., 2003.
25. Tynianov Iu. N. Literaturnyi fakt // Tynianov Iu. N. Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
26. Vizgin V. P., Pustarnakov V. F., Solov'ev E. Iu. Nigilizm // Novaia filosofskaia entsiklopediia: V 4 t. M., 2010. T. 3.
27. Vol'nodumstvo // Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. L., 1988. Vyp. 4.
28. Zaborov P. R. Vol'ter'ianstvo: K istorii slova i iavleniia // Vol'ter: Pro et contra. SPb., 2013.
29. Zapadov A. V. Tvorchestvo Kheraskova // Kheraskov M. M. Izbr. proizvedeniia. L., 1961 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
30. Zlatopol'skaia A. A. Ideinoe nasledie Vol'tera v Rossii (XVIII–XXI vek) // Vol'ter: Pro et contra. SPb., 2013.
31. Zubkov K. Iu. «Antinigilisticheskii roman» kak polemicheskii konstrukt radikal'noi kritiki // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya. 2015. № 4.